Всем, кроме Ани, спалось плохо. Как назло, к ночи ещё и небо прояснилось на радость оборотням, которые начали радостно выть на неестественно близко подошедшую к Земле луну. До полнолуния оставалось два-три дня.

Ксюша опять гоняла в приставку. Нинель читала какие-то книги. Валерия с Лизой пили джин-тоник из большой баклашки и обсуждали что-то. Когда Лизу развезло от алкоголя и та рухнула почивать прямо на балконе – в груде грязного белья, которое она собиралась отнести в прачечную ещё вечером, но из-за сраной «Сонечки» все планы нарушились.

В крыле мальчиков тоже было неспокойно. Из комнаты, где жили Гриша, Тиша, Дориан и Богдан, шёл густой дым: Гриша, засранец, курил на балконе вейп, а Богдан нюхал отвратительно пахнущий насвай. Этой гадости ушлый цыганёнок накрутил про запас на выходных, умудрившись при этом не спалиться. Тиша не курил ни сигарет, ни ашки, ни махорки, воспетой в песнях фронтовых, ни, боже упаси, ганджубаса. С его безумием никакие сильнодействующие вещества не были нужны. Он просто жёг бумагу и с улыбкой, достойной Джокера, смотрел, как она обугливается от лёгкого язычка пламени. Но это надокучило Тише. И поэтому, взяв очередной лист тетрадной бумаги, он убрал в карман зажигалку, достал вместо неё свою волшебную палочку и прошептал:

-Инфламаре.

Бумажка зажглась на радость пироманьяку.

Заклинание «Инфламаре» должно было идти дальше по программе; но Тиша не мог терпеть и оттого изучил его в совершенстве. Впрочем, зажигалкой орудовать Тихону нравилось несколько больше.

Дориана сегодня вечером выписали со справкой и освободили от уроков физкультуры, и он просто валялся на своей койке, всматриваясь в кружащую по комнате муху.

Вдоволь надымив, они уснули. Особенно приятно было Богдану.

В соседней комнате Нафаня играл в «Dota 2». И доигрался до того, что уснул прямо за своим ноутбуком. Васька Косой просто бродил туда-сюда, как приведение.

Особенно плохо спалось Клименту. Обычно ему ничего не мешало моментально лечь и отрубиться, даже если он спал на снегу в жуткую метель – что было один раз, когда он заплутал в Кадмонском лесу. Но теперь он ощущал себя принцессой на горошине. Клименту редко снились красочные, детальные сны: возможно, от дряблости воображения. Но после часа бесплодных попыток заснуть он всё-таки закрыл глаза, и перед ним предстал Юра, его кореш. Он ещё сильнее ссутулился: ещё чуть-чуть, и он свернётся в кольцо, как мифический змей Уроборос. Кругом сгущался туман, и Юра в его сне куда-то медленно шёл по безжизненным, серым городским улицам. «Куда он идёт?» - подумал Климент и понял: Юра идёт в себя. Наконец город кончился: пропали те глаза, которые смотрели на него из окон пронзающим взглядом.

Начались болота. Юра продолжил шагать. Топи не тянули его вниз: он шёл, не заботясь о них.

И тут ему повстречались дементоры.

Климент довольно много знал о дементорах и о том, насколько они опасны – учился уже на третьем курсе, как-никак. Они чем-то похожи на учительницу математики: также пожирают радость и счастье вокруг себя. Самая настоящая «Сонечка», не иначе.

И Юра, встретив их, не стал сопротивляться, не стал бежать, не стал даже дрожать от страха. Вместо этого он совершенно безэмоционально сказал:

-Обнимите меня.

И пошёл к ним, чтобы те поцеловали его. Совершенно добровольно. Он не был помешанным, он не страдал от сумасшествия, в его разуме не рылись легилименцией и не накладывали на него никаких чар. Он сам отправился к ним. Причём в ту минуту, когда дементор пожирал его душу, Климент почувствовал какую-то жуткую радость, которой в этот момент светился Юрий. Он ощущал её настолько явственно, и оно было столь подозрительным, что Климент подскочил на кровати и проснулся.

«Охренеть. Как хорошо, что нет ни дементоров, ни того дикого, самозабвенного наслаждения, которое испытал мой друг и я вместе с ним» - подумал Климент. – «Это сон, всего лишь сон». Он уснул, причём ему казалось, что он падает в какую-то бездну, из которой нет выхода. Она совершенно не имеет ни смысла, ни окраса. Не было ни страха, ни сомнений. Одно лишь безмолвие и штиль.

Климент знал, что убийство калечит душу. Беда лишь в том, что в кошмаре, который приснился ему, лучший друг убивал себя. Даже Дамблдор, не боявшийся смерти, упросил о ней Снейпа, вместо того, чтобы броситься с башни самому в тот момент, когда пробил час.

Настало утро. Утро, которого ждал Климент.

http://tl.rulate.ru/book/104641/3660861